

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Писарев Н.

КАЗАНСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
НА СЛУЖБЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И РУССКОМУ НАРОДУ

Православный собеседник, 1917, ч. 2-3, с. 426-457

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский центр
ИЛИОТРОПИОНЪ

Духовно-просветительский
центр «Илиотропионъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2014

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

на служеніи православной церкви и русскому народу.

(По поводу исполнившагося 21 сентября — 8 ноября 1917 г. 75-лѣтія существованія Академіи)*).

„Да, важно значеніе Казанской Академіи“:

(Изъ рѣчи ректора Академіи архимандрита Іоанна. „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. I, стр. 78).

„Россия никогда, кажется, такъ и не нуждалась въ правдѣ и силѣ Православія, какъ нынѣ, и горе намъ, если мы не выполнимъ задачи, возложенной на насъ Богомъ. Россия можетъ быть спасена, историческія цѣнности, ею выработанныя, могутъ быть сохранены лишь въ томъ случаѣ, если Православіе станетъ отнынѣ для всѣхъ открытымъ источникомъ правды и истины“.

(Проф. В. В. Зѣньковскій — „Проблемы русской культуры и православіе“, см. „Всероссійскій Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1917 г. № 81),

Сегодня исполнилось 75 лѣтъ, какъ въ аудиторіяхъ нашей Академіи впервые раздалось для юношества авторитетное слово мужей разума о вѣчной правдѣ Божіей и о другихъ научныхъ истинахъ, содѣйствующихъ лучшему усвоенію этой правды¹⁾. Сегодня наша высшая духовная

) Настоящая рѣчь предназначалась къ произнесенію на торжественномъ годичномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 8-го ноября 1917 г., но не была произнесена, такъ какъ, по условіямъ переживаемаго времени, не могло состояться и торжественное годичное собраніе.

¹⁾ Казанская Академія, какъ учрежденіе, начала функционировать 21 сентября 1842 года — въ день церковной памяти св. Димитрія Ростовскаго, когда было открытіе академическаго Правленія. 8 го по-

школа воспоминаетъ 75-лѣтній юбилей своего служенія Церкви, Христовой—носительницѣ и хранительницѣ вѣчной правды Божіей ¹⁾). Сегодня, кратко говоря, исполнилось три четверти вѣка славной работы нашего учено-учебнаго учрежденія дѣлу развитія и преуспѣянія русской культуры, однимъ изъ основныхъ и самыхъ могучихъ факторовъ которой всегда было Православіе. День знаменательный, минута историческая—и для нашей школы, и для ея питомцевъ и руководителей, и для русской культуры, „какъ комплекса идей, вѣрованій, идеаловъ и цѣнностей“ ²⁾). Правда, крестный путь, по которому уже четвертый годъ идетъ наша Родина, совершенно заслоняетъ праздники мирнаго культурнаго труда; такъ было у старшихъ сестеръ нашей школы—въ Москвѣ въ 1914 году и въ Кіевѣ въ 1915 году; то же наблюдается сейчасъ и у насъ. Но если громъ орудій на полѣ брани и нестроенія внутри нашего государства исключаютъ возможность торжественнаго празднованія юбилея, то они же вынуждаютъ насъ съ особенной, сугубой вдумчивостью отнести къ прошлымъ заслугамъ и будущимъ задачамъ нашей высшей духовной школы. Такая необходимость по преимуществу предносится именно

ября того же года былъ молебень предъ началомъ учебныхъ занятій, а 9-го начались самыя лекціи. Поэтому Академія имѣетъ, такъ сказать, двѣ юбилейныя даты—21 сентября и 8 ноября.

¹⁾ Проектъ новаго академическаго Устава, выработанный комиссіей делегатовъ отъ всѣхъ академій 10 мая—5 іюня 1917 года и подлежащій рассмотрѣнію и утвержденію Всероссийскаго Церковнаго Собора, особенно рельефно выдвигаетъ ту справедливую точку зрѣнія, что академія служитъ именно Церкви. По толкованію Объяснительной Записки—„служить Церкви строгою, стоящей на уровнѣ вѣка богословской наукой, такъ же высоко и плодотворно, какъ и служить ей въ санѣ пастыря.... Поприща служенія Церкви не могутъ быть для всѣхъ одинаковы. Пусть одни приносятъ Богу свой одинокій кабинетный трудъ; а другіе идутъ съ призывомъ къ людемъ для воспитанія челоуѣчества въ духѣ Евангелія“ (стр. 2). Но академія, какъ увидимъ ниже, служа Церкви „стоящей на уровнѣ вѣка богословской наукой“, и ближе подходитъ къ непосредственнымъ задачамъ Церкви, какъ проповѣдница Евангельскихъ истинъ. Это особенно можно сказать о Казанской Академіи

²⁾ „Церковно-Общественная Мысль“, 1917 г., № 1, стр. 23.

переживаемому нами моменту. Послѣ февральскаго государственнаго переворота началась и продолжается бурная ломка и перестройка всего, сложившагося вѣками, уклада русской жизни—и государственной, и церковной. Русская исторія наканунѣ, можетъ быть, крутого поворота, и особенно подъ вліяніемъ разлившагося широкой волной социализма. Сейчасъ едва ли не больше, чѣмъ въ исключительную Петровскую эпоху въ началѣ XVIII вѣка, наблюдается переоцѣнка цѣнностей и въ томъ числѣ духовной школы, которая стоитъ предъ неопредѣленнымъ и, возможно, далеко не свѣтлымъ будущимъ. Вотъ почему осмыслить цѣнность нашей высшей духовной школы, уяснить заслуги послѣдней для прошлаго русской культуры, намѣтить дальнѣйшія задачи ея бытія—вотъ почему все это и составляетъ нашъ сугубый нравственный долгъ, повелительно диктуемый грозной современностью. Больше того—сказать теперь правду о цѣнности духовной школы для прошлаго и будущаго русской культуры—значить исполнить долгъ гражданина, который любитъ свою Родину, какъ святыню, для котораго дороги не узкопартійные корыстные интересы, а только благо всего великаго русскаго народа. Этотъ патріотическій долгъ мы и стараемся посылно исполнить дальнѣйшимъ изложеніемъ, останавливая; конечно, преимущественное вниманіе на нашей незабвенной юбиляршѣ—Казанской Духовной Академіи.

Наша тысячелѣтняя культура и государственность создавались и крѣпли подъ могучимъ вліяніемъ православной вѣры и Церкви. Православіе является фундаментомъ и цементомъ всего русскаго историческаго процесса, а его дѣятели одними изъ главныхъ строителей послѣдняго. Эту положительную заслугу религіозно-церковнаго фактора для нашей культуры одинаково признавали и признаютъ люди разнообразныхъ міровоззрѣній, не потерявшіе или искусственно не подавившіе въ себѣ способность честно мыслить. Изъ массы свидѣтельствъ подобнаго рода укажемъ нѣкоторыя наиболѣе яркія. Разсматривая древнюю русскую исторію, говоритъ извѣстный бытописа-

тель Россіи проф. В. О. Ключевскій, „мы присутствуемъ при двухъ основныхъ процессахъ: мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ древне-русскимъ человѣкомъ, который, вѣчно двигаясь съ крестомъ, топоромъ и сохой, въ зипунѣ и монашеской рясѣ, дѣлалъ одно немалое дѣло, расчищалъ мѣсто для исторіи отъ береговъ Днѣпра до береговъ Сѣвернаго океана и въ то же время, не смотря на такую растяжимость, умѣлъ собрать силы на созданіе государства, сдержавшаго и вторженія съ Востока, и пропаганду съ Запада. Оба процесса поражаютъ напряженностью физической силы, матеріальной борьбы, и въ обоихъ ускользаетъ изъ глазъ участіе нравственной силы..... Но не однимъ топоромъ, не одной сохой расчищено и взрыто это необъятное поле, и не одни пресловутые Иваны Московскіе дали государству такую живучесть. Ихъ матеріальному созданію послужили и лучшія нравственныя силы народа въ образѣ Петра, Алексія, Сергія и многихъ другихъ“¹⁾. Эту же мысль съ особенной силой развивалъ и князь Е. Н. Трубецкой въ своей рѣчи на „Всероссійскомъ Съѣздѣ духовенства и мірянъ“ 1—12 іюня сего года. „Какъ нѣкогда собиралась Русская Земля и кто ее собиралъ“?, ставитъ ораторъ свой вопросъ и отвѣчаетъ: „Великіе молитвенники, подвижники и пустынножителі—вотъ подлинныя собиратели Россіи, и собирали они ее вокругъ алтаря. Св. Сергій Радонежскій, не убоившійся ни страховъ бѣсовскихъ, ни рева голодныхъ звѣрей въ окружавшихъ его лѣсныхъ дебряхъ—вотъ кто нѣкогда зажегъ въ сердцахъ тотъ пламень любви къ Родинѣ и то мужественное воодушевленіе, которое снасло Россію отъ татарскихъ полчищъ. Его молитвы совершили въ войскахъ Дмитрія Донскаго то чудо, которое не въ состояніи совершить никакія посулы „земли и воли“..... Сказано: „ищите, прежде всего, царствія Божія и правды его, а остальное приложится вамъ“. Въ этихъ словахъ великая тайна не только религіознаго, но и національнаго дѣла св. Сергія. Былъ ли онъ государственнымъ дѣятелемъ? Нѣтъ, онъ искалъ,

¹⁾ „Отзывы и отвѣты“, 3-й Сборн. статей. Москва 1914 г. стр. 10.

прежде всего, царствія Божія, а остальное приложилось ему. Онъ строилъ Церковь, и только. Церковь, но этимъ онъ спасъ и государство. Именно своимъ духовнымъ подвигомъ, своимъ религіознымъ дѣломъ онъ далъ духовную точку опоры всему тому мірскому строительству Русскаго государства, которое прислонилось къ великому церковному строенію¹⁾. Наконецъ, признаніе православной вѣры и Церкви краеугольнымъ камнемъ русской государственности и культуры проходитъ красной нитью даже и въ рѣчи представителя Соединенныхъ Штатовъ мистера Мотта на томъ же „Съѣздѣ духовенства и мірянъ“. По заявленію представителя за-атлантической республики, „Русская Церковь дѣлается теперь однимъ изъ столповъ“ даже „американской цивилизаціи“²⁾. Въ виду отмѣченныхъ краснорѣчивыхъ заявленій свѣтскихъ людей, которыхъ едва ли можно заподозрить въ неискренности и какой либо партійной предубѣжденности, не должны показаться преувеличенными и слѣдующія вдохновенныя слова приснопамятнаго ректора нашей Академіи архимандрита Іоанна (Соколова), произнесенныя имъ въ привѣтствіи на академическомъ актѣ 9 ноября 1858 года: „Какъ русскій народъ бережетъ свою вѣру, такъ вѣра спасетъ русскую народность, спасетъ Россію. Но—помни Россія, что въ тотъ день, когда ты посягнешь на свою вѣру, ты—посягнешь на свою жизнь“³⁾. Не очевидно ли, что утвержденіе православно-религіозныхъ идеаловъ на Руси находится, дѣйствительно, въ органической связи со всѣмъ русскимъ историческимъ процессомъ. И православно-религіозную идею, какъ имѣющую такое всеобъемлющее социальное и государственное значеніе, нельзя, безъ риска для Родины, подмѣнить принципомъ—„религія—частное дѣло“,—принципомъ, за торжество котораго такъ настойчиво и неразборчиво въ средствахъ борется теперь высоко поднявшій го-

1) „Всероссійскій Церковно-обществ. Вѣстникъ“, 1917 г. № 42.

2) Тамъ же, № 46.

3) „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. I, стр. 86.

лову социализмъ¹⁾). Повидимому, и сторонники социализма, объявляя, ради торжества своей партійной программы, скрытый, а иногда и открытый походъ противъ вѣры и Церкви, тѣмъ самымъ только признаютъ глубокое творческое и охранительное значеніе послѣднихъ для создавшагося вѣками уклада Русской жизни.

Если такова сила православной вѣры и Церкви для формации и поддержанія русской культуры, то становится понятнымъ и значеніе духовенства, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей русскаго историческаго процесса. Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія отмѣчаемъ, что такую положительную заслугу за духовенствомъ признаютъ въ наши дни очень авторитетные въ интеллигентныхъ свѣтскихъ кругахъ люди, вообще то не очень щедрые на похвалы по адресу служителей православной Церкви. Извѣстный П. Б. Струве говоритъ на страницахъ издаваемаго имъ журнала: „одна изъ интереснѣйшихъ проблемъ развитія культуры вообще и литературной культуры, въ частности, каждаго народа есть вопросъ о роли въ ней различныхъ социальныхъ элементовъ, о томъ, какъ въ творествѣ культуры и литературы отпечатлѣвается тотъ или иной, социальный строй. Всякая культура въ значительной мѣрѣ является созданіемъ *вершинъ* культурной дѣятельности въ ихъ взаимодействіи съ широкимъ народнымъ *основаніемъ*. Такихъ вершинныхъ слоевъ до образованія „интеллигенціи“ въ Россіи было два: дворянство и духовенство“. Отдавая пальму первенства дворянству, которое, по сложившимся обстоятельствамъ, имѣло, по сравненію съ духовенствомъ, больше возможностей для раскрытія своихъ талантовъ въ различныхъ областяхъ русской жизни, г. Струве продолжаетъ: „Менѣе блестящъ, но всетаки многозначителенъ тотъ вкладъ, который въ исторію русской

1) „Религія не есть Privatsache. Вытѣснить религію въ какой то маленькой темный уголокъ хотятъ лишь люди невѣрующіе, враждебные религіи. Это—несомнѣнно и элементарно“. Николай Бердяевъ— „Теократическія иллюзіи и религіозное творчество“, см. „Русская Мысль“ 1917 г., мартъ—апрѣль, стр. 76.

духовной культуры внесло духовенство, какъ социальный слой и культурный типъ.... Этому типу принадлежить своя особая роль въ русскомъ культурномъ процессѣ¹⁾. Признаніе весьма цѣнное и лестное для духовенства! Но кто же по преимуществу выковывалъ духовенство, какъ культурный типъ, какъ такой серьезный факторъ русскаго историческаго процесса? За послѣднія сто лѣтъ руководящая роль въ этомъ принадлежитъ несомнѣнно русской высшей духовной школѣ, которую опять же г. Струве называетъ „многозначительнымъ явленіемъ“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь главный контингентъ питомцевъ духовныхъ Академій навсегда отдаетъ себя педагогическому труду въ средней и нисшей духовной школѣ, въ которыхъ и формируется нравственная личность рядового служителя алтаря Господня, изо-дня въ день строящаго (служителя) народную душу, вырабатывающаго изъ русскихъ православныхъ людей народъ—богоносець. Это значеніе и назначеніе Казанской Академіи ярко выразилъ ея ректоръ архимандритъ Никаноръ: „Вы—народная жертва Богу“, говорилъ онъ въ прощальномъ напутственномъ словѣ своимъ питомцамъ, окончившимъ курсъ въ 1870 году, „вы—собственность Церкви до мозга вашихъ костей, вы—свѣча, которую русскій человѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее, и глядя радуется, или плачетъ и умиляется. Вы—носители народной религіи, свѣточи Божественнаго свѣта, который и предъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей жертвоприносящихъ отражаться отблескомъ Божественной истины и теплотою христіанской любви и надежды..... Вы поставлены поистинѣ на свѣщникъ церковномъ, чтобы свѣтитъ во всѣ углы міра отъ града Казани и до Японіи, отъ Архангельска и до Одессы и даже до послѣднихъ земли. Предъ вами не закрыты теперь никакая высота и

1) „Русская Мысль“, 1915 г., декабрь, стр. 15—16.

2) Тамъ же, стр. 18.

широта“¹⁾. „Да, важно значеніе Казанской Академіи“¹⁾, говорилъ другой ея ректоръ—архимандритъ Іоаннъ на академическомъ актѣ 9 ноября 1858 года, топографически выясняя сферу преимущественнаго культурнаго вліянія въ это время нашей школы: „отъ Камчатки до Кавказа, отъ Нижняго Новгорода до Томска и Енисейска, на 15 губерній, не считая самой Камчатки, простирается учебный округъ Казанской Академіи. Есть гдѣ развернуться академическому образованію. И наши питомцы летятъ во всѣ эти концы, измѣряя десяти тысячныя версты Россіи..... Вотъ гдѣ мѣсто призванію апостольскому, гдѣ труды—равноапостольныя“²⁾... И на это то широкое пространство своего учебного округа и всей святой Руси наша Академія за три четверти вѣка выпустила 2180 культурныхъ работниковъ, заявившихъ себя, какъ „подвижники вѣры, столпы Церкви, свѣтила науки, опора добраго государственнаго строя“³⁾, но, прежде всего, какъ учителя и воспитатели въ духовныхъ школахъ будущихъ служителей Церкви и русской культуры. Если принять во вниманіе, что большинство питомцевъ нашей Академіи, работавшихъ на педагогическомъ поприщѣ, пропустило чрезъ свои руки не одинъ десятокъ курсовъ учащагося духовнаго юношества, то можно представить — какой богатѣйшій вкладъ въ сокровищницу русской культуры внесла Казанская Академія за три четверти вѣка своего существованія.

Всякая серьезная школа, въ теченіе своего долготлѣтняго историческаго бытія, вырабатываетъ свои традиціи, опредѣляющія индивидуальность школы въ ряду другихъ однородныхъ просвѣтительныхъ учреждений. Эти традиціи не всегда проявляютъ себя съ одинаковой силой, но и не умираютъ совсѣмъ. Выясняя лучшія преданія Московскаго

1) „Извѣстія по Казанской епархіи“, 1870 г., № 17-й, стр. 540—543.

2) „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. I, стр. 77—78; ср. взглядъ ректора архимандрита Григорія на студентовъ академіи, какъ на „надежду св. православной Церкви“. „Исторія Казанской Духовной Академіи“, проф. П. Знаменскаго, т. I, стр. 61.

3) „Извѣстія по Казанск. епархіи“ 1870 г., № 17, стр. 543.

Университета, историографъ послѣдняго, между прочимъ, пишетъ: „Въ моменты наибольшаго расцвѣта университетской жизни, въ дѣятельности людей, имена которыхъ окружаютъ наибольшей славой старѣйшій русскій университетъ, неизмѣнно сказывалось одно основное стремленіе, одна господствующая черта, составившая въ полномъ смыслѣ слова вѣковую традицію этого учрежденія: *слияніе запросовъ науки съ требованіями жизни, органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу*,—такъ можно опредѣлить сущность этой традиціи. Въ лучшія эпохи своей исторіи Московскій Университетъ никогда не оставался замураваннымъ чертогомъ цеховой учености, и, вмѣсто культивированія ремесленной учености, высоко держалъ знамя истинной науки, которая не чуждается жизни, но сама неминуемо становится крупной соціальной силой и могущественнымъ рычагомъ всякаго прогрессивнаго общественнаго движенія“¹⁾. Такое соотношеніе науки и жизни, такое „органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“ еще съ большимъ правомъ можно назвать отличительнымъ признакомъ, своего рода традиціей и высшей духовной школы: это ясно изъ всего сказаннаго объ особенностяхъ русскаго историческаго процесса и о заслугахъ Церкви и духовенства для русской культуры. Но Казанская Академія, по сравненію съ своими старшими сестрами, едва ли не по преимуществу отличалась практическимъ жизненнымъ направленіемъ науки, далекимъ отъ „культивированія цеховой ремесленной учености“. Въ этомъ отношеніи на нашей Академіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые періоды ея существованія, оправдывались свѣтлыя мечты и чаянія ея ректора архимандрита Іоанна: „Наша наука“, писалъ онъ, „должна быть не отвлеченно-туманною, не праздно-созерцательною; она должна быть положительна въ своемъ приложеніи къ жизни, и не нашей только, но и общей, и не духовной только, а и внѣшней общественной, ибо начала религіозныя составляютъ

1) А. Кизеветтеръ: „Историческіе отклики“, Москва, стр. 322—323.

основныя начала всеобщей жизни народа.... Съ этой точки зрѣнія я смотрю и на Казанскую Академію¹⁾. Самъ же ректоръ Іоаннъ далъ блестящій примѣръ „органическаго совмѣщенія служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“: подъ его редакціей журналъ „Православный Собесѣдникъ“, начавшій выходить въ маѣ 1855 г., „достигъ высокой степени интереса, жизненности и серьезности“. Архимандритъ Іоаннъ здѣсь „первый затронулъ современные животрепещущіе религіозно-общественные вопросы и заговорилъ живымъ языкомъ въ нашей духовно-журнальной литературѣ, первый отозвался на современныя потребности русской религіозной мысли и жизни со свойственной ему чуткостью, первый представилъ неподражаемые образцы серьезныхъ и мастерскихъ журнально-публицистическихъ статей“²⁾.

По воспоминаніямъ питомцевъ нашей Академіи, и въ академическихъ аудиторіяхъ, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія, „лекціи читались *жизненно* и научно, даже по патристикѣ“³⁾. Подобные примѣры можно наблюдать и въ другіе періоды исторіи нашей школы⁴⁾. Впрочемъ попятно, что такой характеръ академическаго преподаванія вызывалъ у слушателей соотвѣтствующіе интеллектуальные интересы, воспитывалъ отзывчивость къ явленіямъ общественной жизни и желаніе принять въ послѣдней такое или иное активное участіе. Такъ, напримѣръ, въ 50-хъ же годахъ минувшаго столѣтія студенты, по ихъ собственному признанію, при изученіи науки преслѣдовали цѣли, „касающіяся общественной жизни цѣлой Россіи“; „споры между студентами велись (тогда) очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ, а въ нихъ принимали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о ко-

1) „Исторія Казанской Академіи“, П. Знаменскаго, ч. 2, стр. 222.

2) Тамъ же, стр. 223.

3) „А. П. Щаповъ“, проф. Н. Я. Аристова, Спб. 1883 г., стр. 26.

4) Относительно, напр., конца минувшаго столѣтія см. брошюру свящ. Н. Н. Писарева: „А. А. Субботинъ, священникъ и законоучитель Казанскаго Родіоновскаго Института“, Казань, 1914 г.

торыхъ возбуждались горячія состязанія, были не отвле- ченнаго характера, а большею частію касались современ- ной жизни, науки и литературы“¹⁾. Для характеристики настроенія студентовъ 1860-хъ годовъ, ихъ тяготѣнія къ вопросамъ общественной жизни очень показательно и извѣстное дѣло о панихидѣ по крестьянамъ, убитымъ въ селѣ Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, весной 1861 года,—дѣло, едва не вызвавшее закрытіе нашей Ака- деміи²⁾. Не говоримъ уже о той широкой церковно обще- ственной дѣятельности—разумѣемъ проповѣдь Слова Бо- жія и занятія въ народныхъ школахъ—которой прекрасно зарекомендовало себя академическое студенчество, осо- бенно въ послѣднія 20 лѣтъ существованія нашей школы³⁾.

Но практической, жизненный характеръ Казанской Академіи, какъ учено-учебнаго учрежденія, ея лучшая традиція — „органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“—наиболѣе ярко сказались, конечно, на дѣятельности открытыхъ при ректорѣ архимандритѣ Агаѳангелѣ (въ 1854 г.) миссіонер- скихъ отдѣленій нашей школы, имѣющихъ своей задачей христіанское просвѣщеніе послѣдователей ислама, буддо- ламаизма, а также и вообще инородцевъ Камско-Волжскаго края и Сибири; христіанизация же инородцевъ, естественно, должна способствовать приобщенію ихъ къ русской куль- турѣ и государственности и къ прочному соединенію ихъ съ кореннымъ населеніемъ Россіи. Ректоръ Академіи архимандритъ Іоаннъ не сочувствовалъ миссіонерскимъ отдѣленіямъ и называлъ ихъ „какими то курятниками, пристроенными къ Академіи“⁴⁾, а ректоръ Нижегородской семинаріи архимандритъ Аполлоній, оставшійся недоволь- нымъ Казанской Академіей за сдѣланное ему справедли-

¹⁾ Цит. соч. Н. Я. Аристова, стр. 26, 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 65—67.

³⁾ См. вышеупомянутую брошюру свѣщ. Н. Н. Писарева и от- четы о просвѣтительной дѣятельности студентовъ, печатавшіеся въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

⁴⁾ „Исторія Казанской Академіи“ П. Знаменскаго, т. I, стр. 158.

вое замѣчаніе, выразилъ свою обиду, иронически назвавъ послѣднюю „Татарской Академіей“¹⁾. Между тѣмъ, именно въ этихъ то „курятникахъ“, въ „татарскомъ“, вообще въ миссіонерскомъ, такъ сказать, колоритѣ Академіи и заключается „наиболѣе почетная особенность“ нашей школы. ея „отличіе отъ другихъ Академій“²⁾. Здѣсь, повторяемъ, нашла себѣ наиболѣе выпуклое выраженіе вышеназванная традиція Казанской Академіи.

Особенно посчастливилось у насъ миссіонерскому отдѣленію противъ ислама, представленному на протяженіи почти всей исторіи Академіи очень яркими талантами и дѣятелями, всецѣло отдавшими себя дѣлу христіанскаго просвѣщенія послѣдователей Магомета. Справедливость требуетъ сказать, что и противобуддійское отдѣленіе большею частію не испытывало недостатка въ честныхъ и усердныхъ труженикахъ — укажемъ, напр., на выдающагося проф. А. А. Бобровникова; но, не имѣя физической возможности, по дальности разстоянія, входить въ непосредственное общеніе съ исповѣдниками буддо-ламаизма, означенные труженики, вслѣдствіе этого, не имѣли и благоприятныхъ условій для полнаго раскрытія своихъ талантовъ; отсюда работы членовъ противобуддійскаго отдѣленія носили не столько практическій, сколько теоретическій характеръ. Наоборотъ, противомусульманское отдѣленіе находилось и находится въ самомъ центрѣ многочисленнаго мусульманскаго населенія Россіи; и въ части этого населенія, уже просвѣщенной свѣтомъ Христовой вѣры, стали наблюдаться въ половинѣ минувшаго столѣтія угрожающіе признаки массоваго перехода въ прежнюю религію. Понятно, что дѣятели противомусульманскаго отдѣленія, въ силу отмѣченныхъ условій, прямо таки вынуждались дѣлить свое трудовое время между учеными кабинетными занятіями и апостольскимъ подвигомъ среди различныхъ слоевъ магометанъ. Теоретическая разработка науки и приложеніе ея къ жизни ради

1) Тамъ же, стр. 327, т. I.

2) Тамъ же, т. 2, стр. 7.

Блага ближняго находились у нихъ въ тѣсной неразрывной связи. Освѣдимъ же свои воспоминанія, въ настоящій знаменательный день, о нѣкоторыхъ выдающихся представителяхъ противомусульманскаго отдѣленія, своею жизнію и дѣятельностью особенно наглядно иллюстрировавшихъ „органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“.

Вотъ предъ нами гигантская въ духовномъ отношеніи фигура Гордія Семеновича Саблукова или „Гордія-бабая (дѣдушки)“, какъ называли его обычно мухаммедане-шакирды. Своимъ ученымъ багажемъ онъ подавлялъ студентовъ и изумлялъ ученыхъ татаръ. Послѣдніе называли Гордѣй-бабая, за его ученость и праведную жизнь, мучтагидомъ¹⁾ и таза²⁾, удивлялись, „какъ онъ, зная такъ хорошо ихъ вѣру, не сдѣлался самъ мусульманиномъ, а нѣкоторые даже прямо считали его тайнымъ мусульманиномъ“³⁾. Весьма важное въ миссіонерскомъ отношеніи сочиненіе Гордія Семеновича—„Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ“ (Казань 1873 г.) не только обратило на себя вниманіе мѣстныхъ мухаммеданъ, но даже произвело сенсацію и въ Константинополѣ, и вызвало разные легендарные рассказы объ авторѣ сочиненія⁴⁾. Таковъ ученый багажъ Гордѣй—бабая. Что касается практической религіозно-просвѣтительной дѣятельности послѣдняго, то она была очень широка даже послѣ выхода Гордія Семеновича въ отставку. Гордѣй Семеновичъ „часто посѣщалъ (Центральную Казанскую) крещено-татарскую школу, посѣщалъ и мухаммеданскія школы, гдѣ разговаривалъ съ уче-

1) Мучтагидъ—„усиливающийся, борящійся за вѣру противъ невѣрныхъ; законовѣдецъ, стремящійся растолковать трудные вопросы религіи. Мухаммедане считаютъ мучтагидами патріарховъ и пророковъ, учениковъ Мухаммеда и имамовъ трехъ первыхъ вѣковъ мухаммеданства“. „Православный Собесѣдникъ“, 1880 г., ч. I, стр. 306, примѣч. 2-ое.

2) Таза—чистый, праведный человекъ. Тамъ же, стр. 306.

3) „Исторія Казанской Академіи“, П. Знаменскаго, т. 2, стр. 422.

4) Тамъ же, стр. 423.

никами о разныхъ предметахъ, ѣздилъ даже по татарскимъ деревнямъ. Кабинетъ его былъ аудиторіей миссіонеровъ, которые посѣщали его, чтобы вынести изъ него слово назиданія и практическія указанія опытнаго старца, и своего рода просвѣтительно-миссіонерскимъ центромъ; его посѣщали и ученики крещено-татарской школы, и шакирды мусульманскихъ школъ, по цѣлымъ часамъ толковавшіе съ Гордѣй-бабаемъ, получившимъ между татарами популярность не только въ Казани, но и въ далекихъ окрестностяхъ.... Не довольствуясь просвѣтительными бесѣдами съ татарами, онъ еще окружалъ себя бѣдными русскими дѣтьми, которыхъ училъ грамотѣ и молитвамъ, отложивъ смиренно въ сторону всю свою высокую ученость¹⁾. Чѣмъ былъ Гордій Семеновичъ въ своей просвѣтительной дѣятельности для татаръ и, въ частности, крещеныхъ—объ этомъ ясно свидѣтельствуешь слово при его погребеніи его ближайшаго сотрудника по миссіи, законоучителя крещено-татарской школы В. Т. Тимоѣева—крещенаго татарина. Обращаясь къ присутствовавшимъ въ храмѣ учащимъ и учащимся въ крещено-татарской школѣ, онъ, между прочимъ, говорилъ: „Дѣти! На кого мы теперь смотримъ? Кто это лежитъ предъ нами во гробъ....? Это нашъ почтеннѣйшій Гордѣй-бабай. Этотъ Гордѣй-бабай — помните — принималъ насъ, обутыхъ въ старые лапти, одѣтыхъ въ изорванные, грубые кафтаны, отъ которыхъ и пахнетъ то весьма неприятно, — въ свою горницу, куда принималъ онъ высокихъ господъ. Онъ, наслаждавшій своими бесѣдами ученыхъ людей, не лишалъ и насъ, темныхъ и необразованныхъ дѣтей, своихъ бесѣдъ. Мы черезъ его уста и письмена стали разумѣть и видѣть ложь и вредъ магометанской вѣры и закона.... Искренно любилъ насъ дѣдъ, и потому, указывая пальцемъ на страницу Новаго Завѣта, толковалъ намъ, какъ должно понимать извѣстное изреченіе.... Гордѣй-бабай! Ты вѣдъ зналъ, что мы въ вѣрѣ и въ дѣлѣ слабы, не окрѣпли—что же ты оставилъ насъ?... Да, дѣти, Гордѣй-

¹⁾ Тамъ же, стр. 422.

бабай не намъ только, живущимъ въ школѣ, показывалъ примѣръ христіанскаго житія; онъ ѣздилъ въ деревни крещеныхъ татаръ вмѣстѣ съ моимъ семействомъ; тамъ онъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и служилъ для насъ примѣромъ во всѣхъ поступкахъ. Слова его и теперь помнятъ жители тѣхъ деревень, гдѣ мы жили. Итакъ, онъ былъ наставникомъ не только намъ, дѣтямъ крещеныхъ татаръ, но и отцамъ и дѣдамъ нашимъ....¹⁾ Послѣ сказаннаго едва ли могутъ показаться преувеличенными слова изъ надгробной рѣчи по Гордіи Семеновичѣ студента Академіи В. Рудинскаго: „Если бы наука имѣла побольше такихъ энергичныхъ и талантливыхъ поборниковъ за себя, то она не ступала бы такъ медленно, какъ ступаетъ при настоящихъ условіяхъ. Если бы въ прежнее время на Руси было побольше такихъ ревностныхъ и просвѣщенныхъ сотрудниковъ миссіонерскому дѣлу, то не только бы наши русскіе инородцы не находились въ томъ жалкомъ непросвѣщенномъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, но и въ самомъ Стамбулѣ полумѣсяцъ давно бы замѣнился крестомъ Христовымъ“²⁾.

Вотъ предъ нами другой гигантъ духа—незабвенный въ лѣтописяхъ нашей Академіи и въ исторіи миссіи въ Казанскомъ краѣ Николай Ивановичъ Ильминскій. Дѣятельности Николая Ивановича [противомусульманское отдѣленіе обязано новой блестящей эпохой своего существованія, начавшейся съ 1863 года. Работа отдѣленія приняла съ этого времени болѣе практическій характеръ,

¹⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1880 г., ч. I, стр. 328—329.

²⁾ Тамъ же, стр. 333; весьма любопытна для характеристики Г. С. та энергія, съ которой онъ преодолевалъ изученіе трудныхъ языковъ — татарскаго и арабскаго, Гордій Семеновичъ, по его собственнымъ рассказамъ, „желая овладѣть произношеніемъ извѣстнаго арабскаго звука, по цѣлымъ недѣлямъ настойчиво настраивалъ на этотъ звукъ и горло, и языкъ, или, стараясь усвоить въ совершенствѣ восточный почеркъ, совсѣмъ бросалъ для этого европейскую манеру писать на столѣ, а садился по восточному и чертилъ арабскія буквы, держа руку съ бумагой на колѣнкѣ“. „Исторія Казанской Академіи“, П. Знаменскаго, т. 2, стр. 408.

чѣмъ прежде; въ основу ея было положено 1) „ближайшее ознакомленіе съ религіознымъ положеніемъ и самою жизнію татаръ, изученіе *живого* татарскаго языка и 2) опыты дѣйствительнаго и именно христіанско-просвѣтительнаго вліянія на татарское, частнѣе — крещено-татарское населеніе“ 1).

Чтобы проводить въ жизнь такую программу, необходимо было, прежде всего, самимъ работникамъ Отдѣленія узнать бытъ, живой языкъ и религіозную жизнь татаръ, въ частности, крещеныхъ, — узнать путемъ близкаго непосредственнаго общенія съ ними. Въ этомъ отношеніи Николай Ивановичъ прекрасно подготовилъ себя еще предшествующей своей упорной работой. Нельзя безъ глубокаго преклоненія предъ исключительной ученой энергіей Николая Ивановича читать, какъ эта краса и гордость противомусульманскаго отдѣленія, ради изученія татарской народности, живой рѣчи ея и быта, еще въ 1847 г. оставляетъ казенную академическую квартиру и переселяется въ татарскую слободу, чтобы посѣщать ближайшую медресу Мухамеда Карима и другую школу знаменитаго у татаръ по учености муллы Баймурата; какъ ради изученія домашняго быта татаръ онъ принимаетъ приглашеніе отъ татарскаго купца въ качествѣ учителя его сына по русскому языку; какъ онъ не безъ риска для своей жизни, въ виду фанатизма магометанъ и особенно броженія среди отступниковъ изъ крещеныхъ татаръ, стараясь сохранить инкогнито, „въ татарскомъ халатѣ, съ болтавшимися за поясомъ записной книжкой и огрызкомъ карандаша, посредствомъ самыхъ разнообразныхъ способовъ передвиженія, то на подводѣ, то на возу съ рѣпой, то пѣшкомъ обходитъ многія татарскія селенія Мамадышскаго, Лайшевскаго и Чистопольскаго уѣздовъ“. Во время этой своеобразной экспедиціи по деревнямъ Николаю Ивановичу „приходилось разузнавать обо всемъ нужномъ то у татаръ-мусульманъ, то у русскихъ и рѣдко у самихъ крещеныхъ татаръ, и не иначе, какъ съ раз-

1) Тамъ же, т. 2, стр. 455.

ными дипломатическими подходами и хитростями, въ мимоходныхъ бесѣдахъ, толкаясь по базарамъ или подѣвши по дорогѣ на возъ съ рѣпой, который крещеный подростокъ везъ на базаръ и т. д. Дневникъ своего путешествія, во избѣжаніе подозрительно поглядывавшихъ глазъ, Николай Ивановичъ долженъ былъ вести на русскомъ и татарскомъ языкѣ нѣмецкимъ скорописнымъ шрифтомъ; на постоянные вопросы татаръ, что такое онъ все записываетъ, онъ отвѣчалъ, что записываетъ то свои грѣхи, то незнакомыя татарскія слова, чтобы выучиться татарскому языку¹⁾. Средствами выполненія второй половины программы, опредѣлившей дѣятельность противомусульманскаго отдѣленія съ 1863 г., были: переводъ и изданіе на татарскомъ *народномъ* языкѣ священныхъ, богослужебныхъ и вообще христіанско-просвѣтительныхъ книгъ, научно-миссіонерскія экскурсіи въ татарскія селенія, обученіе татарскихъ дѣтей въ школахъ, чтобы они со временемъ сами могли выступить миссіонерами среди своихъ соплеменниковъ. Послѣднее средство было обусловлено тѣмъ принятымъ на противомусульманскомъ отдѣленіи принципомъ что „первоначальное образованіе народа всего успѣшнѣе можетъ быть ведено учителями изъ среды самого же народа, потому что они естественнo должны пользоваться довѣріемъ и сочувствіемъ сродственнаго имъ общества“, „кромѣ того имѣютъ въ своемъ полномъ распоряженіи могущественное орудіе родного языка“²⁾. На почвѣ примѣненія этого принципа къ жизни и возникло любимое дѣтище Николая Ивановича—Казанская Центральная крещено-татарская школа, послужившая какъ бы метрополіей для однородныхъ учрежденій въ Казанскомъ краѣ. Студенты Академіи были свидѣтелями отмѣченныхъ религиозно-просвѣтительныхъ опытовъ своихъ наставниковъ; „нѣкоторые принимали даже живое личное участіе въ дѣлахъ крещено-татарской школы, давали въ ней уроки и наблюдали за успѣхами ея питомцевъ; всѣ вообще выно-

1) Тамъ же, т. 2, стр. 336—337, 350—351.

2) Тамъ же, стр. 456.

силы изъ того, что видѣли предъ собою, иные взгляды на миссіонерское дѣло, плодотворные опыты и примѣры для своей собственной просвѣтительной дѣятельности на такомъ же будущемъ своемъ служебномъ поприщѣ. Книжки новыхъ переводовъ сдѣлались руководствами для нихъ самихъ и разошлись вмѣстѣ съ ними по всему округу, гдѣ только было татарское населеніе. Дѣло преподаванія въ отдѣленіяхъ миссіонерскихъ предметовъ шло въ параллель съ практической дѣятельностью отдѣленія, оставаясь въ прежде принятомъ объемѣ, но въ своемъ направленіи все болѣе и болѣе примѣняясь къ добытымъ доселѣ практическимъ результатамъ. Изученіе татарскаго книжнаго языка было совсѣмъ оставлено и замѣнено изученіемъ языка народнаго, живого“¹⁾.

Щадя скромность доселѣ здравствующихъ представителей противомусульманскаго отдѣленія, мы не распространяемся объ ихъ дѣятельности; замѣтимъ лишь, что про одного изъ нихъ (о. прот. Е. А. Малова) еще историкъ нашей Академіи перваго періода ея существованія сказалъ, что „миссіонерское отдѣленіе пріобрѣло въ немъ весьма энергичную силу не только для своей науки, но и для практическихъ интересовъ Казанской миссіи“²⁾.

Полагаемъ, что воспроизведенная страничка изъ жизнедѣятельности противомусульманскаго отдѣленія, дѣйствительно, ярко выражаетъ исконную традицію высшей духовной школы и, по преимуществу, Казанской Академіи—„органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли болѣе честно, болѣе преданно и болѣе плодотворно служить наукѣ, православной Церкви, русской государственности и культурѣ, чѣмъ это дѣлали Гордѣй-бабай или незабвенный Николай Ивановичъ Ильминскій.....

Таково значеніе Казанской Академіи для православной Церкви и для исторіи вообще культуры Русскаго народа.

¹⁾ Тамъ же, т. 2, стр. 473.

²⁾ Тамъ же, стр. 435.

Но ученныя работы представителей высшей духовной школы имѣють, конечно, очень немаловажное значеніе и для той частной стороны культуры, которая представляется наукой. Эту истину признають опять же люди иного лагеря, очень далекіе по своему положенію и занятіямъ отъ академической науки, но имѣющіе счастливую способность вполнѣ объективно относиться къ явленіямъ мысли и жизни. „Русскій „семинаръ“ и „академикъ“, говоритъ уже извѣстный намъ Струве, „какъ то на свой манеръ и весьма многозначительно вложились въ исторію *русской науки*. На этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Но наука и, въ особенности, философія и исторія—главныя науки, которыя вездѣ культивируетъ богословская школа, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ входятъ въ „національную литературу“. Боссюэтъ, Гизо, Тьерри, Ренанъ, Тэнъ, Бергсонъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Нитцше, Штраусъ, Ранке, Моммсенъ принадлежать не только философіи и исторіографіи, но и національной литературѣ, какъ общей культурной стихіи даннаго народа“¹⁾). Прилагая означенную точку зрѣнія къ Казанской Академіи, справедливость требуетъ сказать, что и послѣдняя учеными работами своихъ представителей „весьма многозначительно вложилась въ исторію *русской науки*“. Не останавливаясь подробно на разъясненіи этого положенія и минуя уже указанныхъ выдающихся ученыхъ работниковъ съ миссіонерскихъ отдѣленій, мы только поставимъ слѣдующіе вопросы, отвѣты на которые ясны, думаемъ, для всякаго хоть сколько нибудь знакомаго съ общимъ состояніемъ научныхъ дисциплинъ, преподаваемыхъ и изучаемыхъ въ духовныхъ академіяхъ. Развѣ Казанская Академія во вторую половину своего бытія не внесла богатой лепты въ весьма важное и трудное дѣло изученія священнаго текста Библии? Развѣ церковно-историческая наука въ Казанской Академіи не имѣла и не имѣетъ блестящихъ представителей, подобныхъ Горскому и Голубинскому Москов-

1) „Русская Мысль“, 1915 г. декабрь, стр. 16.

ской Академіи? Не трудами ли нашей Академіи и доселѣ окормляется большая часть учащихся средней духовной школы при изученіи исторіи русской Церкви? Развѣ Казанская Академія мало потрудилась надъ изученіемъ исторіи и обличенія русскаго старообрядчества? Не изъ ея ли трудовъ очень многіе питомцы средней духовной школы и доселѣ получаютъ знанія объ этомъ крупномъ явленіи въ жизни русской Церкви и государства? Развѣ Казанская Академія не можетъ гордиться недавно отошедшимъ въ вѣчность ученымъ канонистомъ, почти полвѣка украшавшимъ свою *alma mater* и подготовившимъ преподавателей церковнаго права для нѣсколькихъ русскихъ университетовъ? Развѣ Казанская Академія во вторую половину своего бытія не создала своего рода философской школы, вліяніе которой выходитъ далеко за предѣлы тѣснаго круга учащагося духовнаго юношества? Развѣ, наконецъ, Казанская Академія не выработала литературной школы, такъ блестяще представленной незабвеннымъ И. Я. Порфирьевымъ и его капитальными учеными и учебными трудами по исторіи русской словесности, которыми и доселѣ окормляется не только духовная, но и свѣтская школа. Если въ разработкѣ богословскихъ, церковно-историческихъ, церковно-практическихъ и философскихъ научныхъ дисциплинъ Казанская Академія доселѣ идетъ параллельно своимъ старшимъ сестрамъ, то богатымъ вкладомъ, внесеннымъ въ изученіе русской изящной словесности, она опережаетъ послѣднихъ. Если разработкой богословскихъ, церковно-историческихъ и церковно-практическихъ научныхъ дисциплинъ Казанская Академія, выражаясь словами г. Струве, „многозначительно вложила въ исторію *русской науки*“, то создавшіяся въ ея нѣдрахъ философская и историко-литературная школы съ ихъ представителями, смѣемъ думать, „принадлежать не только философіи и исторіографіи, но въ значительной степени и національной литературѣ, какъ общекультурной стихіи русскаго народа“. Если Н. И. Ильминскій еще 12 апрѣля 1875 года, въ отвѣтъ на его избраніе почетнымъ членомъ родной Ака-

демі, между прочимъ, писалъ: „Теперь Казанская Духовная Академія находится въ возрастѣ цвѣтущей возмужалости. Своими работами она заняла почетное мѣсто среди ученыхъ учреждений. Словомъ, она ничимъ же меньше во Владыкахъ Іудовыхъ“, то съ еще большимъ правомъ мы можемъ отнести эти слова къ Казанской Академіи въ настоящее время, когда исполнилось уже три четверти вѣка ея славнаго культурнаго служенія православной Церкви и русскому народу.

Мы отмѣтили въ общихъ чертахъ заслуги Казанской Академіи въ минувшей исторіи русской культуры. Но высшая духовная школа, и, въ частности, наша Академія повелительно призываются теперь къ еще большому подвигу, въ виду того грознаго историческаго момента, который переживаетъ наша Родина; жизнь ставитъ сейчасъ предъ нашей школой несравненно болѣе серьезныя очередныя задачи.

Если до сихъ поръ православно-религіозная идея и ея выразительница—Церковь были творческимъ началомъ въ русскомъ историческомъ процессѣ, теперь онѣ должны быть признаны почти единственнымъ средствомъ, могущимъ спасти распадающуюся Родину. Уже извѣстный намъ американскій гость Россіи— мистеръ Моттъ и говорилъ въ этомъ смыслѣ на „Всероссійскомъ Съѣздѣ духовенства и мірянъ“: „Друзья мои! Мы живемъ въ самое критическое время, какое когда либо міръ переживалъ. Все какъ будто переходитъ, какъ будто самый фундаментъ міра поднимается подъ ногами, какъ будто всѣ принципы, за которые мы когда то сражались, теперь уходятъ отъ насъ. Вотъ теперь то какъ разъ время, когда вамъ должно быть особенно осторожнымъ въ своей странѣ Россіи, чтобы Церковь не потеряла своего центрального положенія и чтобы народъ остался въ Церкви и съ Церковью. Друзья мои! Никогда Христосъ не былъ болѣе необходимъ, какъ именно въ настоящее время. И Христосъ и Церковь никогда не были такъ необходимы и величественны, какъ въ настоящее время, потому что все какъ будто, кромѣ нихъ, измѣняетъ намъ. А Христосъ

тотъ же, каковъ былъ прежде, сегодня и будетъ всегда. Христось теперь именно готовъ встрѣтить насъ съ такою молитвою, какъ никогда раньше..... Мы вамъ советуемъ держаться старой вашей вѣры, держаться старыхъ историческихъ принциповъ, сдѣлавшихъ васъ великимъ народомъ. Держитесь и сегодня..... Не теряйте психологическій моментъ. Стойте твердо въ своемъ упованіи..... Такъ же, какъ въ критическое время нашествія татаръ на Россію и другихъ народовъ Церковь спасала васъ, такъ и теперь Церковь должна объединить Россію и спасти ее¹⁾. Подобныя же горячія рѣчи раздавались и изъ устъ многихъ ораторовъ на Помѣстномъ Соборѣ православной Всероссійской Церкви. „Мы часто слышимъ сейчасъ“, говорилъ одинъ изъ членовъ Собора, „что нѣтъ Родины безъ свободы, и нѣтъ свободы безъ Родины“²⁾, но, къ сожалѣнію, рѣдко и не такъ громко провозглашается сейчасъ другой лозунгъ, единственно спасительный для Россіи: „Нѣтъ Родины безъ Бога“³⁾. Особенная и глубокая необходимость одушевленія всѣхъ сыновъ Россіи религіозной идеей именно теперь обуславливается коренной причиною переживаемой государственной разрухи. У весьма значительной части русскихъ людей наблюдается омертвѣніе религіозной духовной жизни; отсюда исключительное господство мотивовъ житейскаго матеріальнаго благополучія—или партійнаго, или классоваго, или личнаго, и какъ результатъ этого — „растаскиваніе Россіи по бревнамъ“⁴⁾; отсюда *завеніе Россіи*, какъ единаго цѣлаго, безконечно дорогого для каждого русскаго; отсюда „упадокъ русскаго патріотизма, затменіе національнаго инстинкта, отсутствіе національнаго подъ-

1) „Всероссійскій Церк.-Общ. Вѣстникъ“, 1917 г., № 46.

2) Слова изъ рѣчи г. Министра Предсѣдателя А. О. Керенскаго на Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ 12 августа 1917 года.

3) Приблизительно такъ говорилъ въ одномъ изъ пленарныхъ засѣданій Собора членъ его отъ Московской епархіи графъ П. Н. Апраксинъ. По званію члена Собора мы лично слышали рѣчь графа Апраксина. *Авторъ.*

4) Изъ рѣчи князя Е. Н. Трубецкаго.

ема“. Между тѣмъ, нормальное „отношеніе человѣка къ Родинѣ“, говоритъ князь Е. Н. Трубецкой, „должно быть, прежде всего, религіознымъ. Чтобы любовь къ Родинѣ побуждала его къ высшимъ подвигамъ самоотверженія, онъ долженъ смотрѣть на Родину, какъ на великую святыню и цѣнность духовную, ради которой стоитъ жертвовать не только всѣмъ достояніемъ, но и самой жизнью. А развѣ можетъ быть такое чувство къ Родинѣ у человѣка, утратившаго всякую святыню? Если тяжкій недугъ современной Россіи коренится въ омертвѣннй жизни религіозной, духовной, то и исцѣленіе можетъ послѣдовать лишь при условіи религіознаго пробужденія и духовнаго подъема. Спасти Россію отъ надвинувшей на нее грозной опасности можетъ только та духовная сила, которая ее собрала“ 1). Знаменательно, что и партія народной свободы, обладающая среди другихъ современныхъ политическихъ партій наибольшимъ разумомъ государственнаго строительства, признаетъ теперь за православной религіей и Церковью великую положительно-творческую, даже спасительную силу и считаетъ недопустимымъ, по условіямъ момента, полное отдѣленіе Церкви отъ государства, какъ требуютъ того социалистическія программы и какъ высказывались сами кадеты 11 лѣтъ назадъ. Партія народной свободы на девятомъ Всероссийскомъ Съѣздѣ своихъ членовъ въ іюлѣ текущаго года заняла срединную позицію по вопросу объ отношеніи Церкви къ государству и встала на точку зрѣнія „такъ называемыхъ признанныхъ церквей, признанныхъ религіозныхъ исповѣданій“ 2). Мотивируя перемѣну позиціи по церковному

1) „Всероссійскій Церк.-Общ. Вѣстникъ“, 1917 г. № 42.

2) Это, кратко сказать, означаетъ: „Православная Церковь является институтомъ публично-правового характера, которому государство оказываетъ покровительство въ законѣ и матеріальной поддержкѣ. Во внутреннихъ отношеніяхъ православной русской Церкви принадлежитъ право свободнаго самоустроенія, согласно ученію самой Церкви и постановленію Всероссийскаго помѣстнаго Собора. Всѣ узаконенія, ставящія высшее церковное управленіе въ положеніе подчиненнаго органа государственнаго правленія и придающія ему

вопросу, одинъ изъ членовъ партіи говорилъ, между прочимъ, на Създѣ: „Развѣ мы узнаемъ теперь ту Россію, въ которую мы вѣримъ, которая намъ близка. Очевидно, происходитъ тяжелый моральный процессъ въ современной Россіи. Если намъ необходимъ подъемъ всѣхъ матеріальныхъ и производительныхъ силъ, если нашъ плугъ долженъ лучше воздѣлывать землю, чѣмъ это дѣлалъ онъ до сихъ поръ, то и въ области моральной нуженъ подъемъ для разрыва съ тѣмъ ужаснымъ распадомъ, въ которомъ мы находимся. Среди тѣхъ многообразныхъ силъ, въ которыхъ этотъ разрывъ происходитъ, Церковь должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Это даетъ великую надежду, и мы увѣрены, что благовѣсть этой Церкви будетъ благовѣстомъ нашего національнаго возрожденія“¹⁾. Въ рядахъ дѣятелей такого національнаго возрожденія первое мѣсто принадлежитъ, конечно, православному духовенству, что и признаютъ люди трезвой и честной мысли, горящіе нелицемѣрной любовью къ Родинѣ. Сами принадлежа къ свѣтской интеллигенціи, они тѣмъ не менѣе открыто утверждаютъ, что эта интеллигенція, какъ и вся русская общественность, безъ помощи духовенства, безсилны сейчасъ пробить Россіи „дорогу въ новый міръ, построенный на фундаментѣ гражданской свободы, научной культуры и гармоническаго развитія духовной жизни человѣка“²⁾. Если по разуму даже свѣтскихъ людей, справедливо оцѣнивающихъ современное положеніе Родины, такова сейчасъ необходимость религіознаго одушевленія и возрожденія, если таково сейчасъ значеніе служителей этого возрожденія—православнаго духовенства, то становятся понятнымъ и тотъ сугубый подвигъ, та серьезная очередная задача, которые предносятся сейчасъ высшей духовной школѣ и, въ частности, нашей Академіи, въ

характеръ вѣдомства, отмѣняются“. Газета—„Свободная Церковь“, 1917 г. № 15 отъ 15 августа.

¹⁾ Слова Котляревскаго, см. тамъ же.

²⁾ „Русская Мысль“, 1917 г. февраль, стр. 109, см. ст. А. С. Изгоева—„На перевалѣ“.

виду ихъ важной роли въ процессѣ религіозно-церковнаго творчества среди русскаго народа. Теперь, дѣйствительно, больше чѣмъ когда либо, передъ дѣятелями и питомцами высшей духовной школы должны громко звучать слова мистера Мотта — „не теряйте психологическій моментъ“, и уже извѣстныя намъ слова ректора нашей Академіи архимандрита Никанора: „Вы—носители народной религіи, свѣточи божественнаго свѣта, который и предъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей отражаться отблескомъ божественной истины и теплотою христіанской любви и надежды..... Вы поставлены поистинѣ на свѣщникѣ церковномъ, чтобы свѣтить во всѣ углы міра“....

Особенно двѣ грандіозныя задачи, наиболѣе остро выдвинутыя современностью, призываютъ высшую духовную школу къ усиленному подвигу творчества жизни, къ исключительному подъему религіозно-просвѣтительной дѣятельности—разумѣемъ вопросъ неотложной соціальной реформы и вопросъ національнаго самоопредѣленія или положенія народностей, входящихъ въ составъ Россіи. Отъ правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ въ значительной степени послѣдующее бытіе нашего государства, какъ здороваго цѣлаго, собраннаго въ мощное единство предшествующимъ историческимъ процессомъ.

Проведеніе въ жизнь соціальной правды только тогда не вызоветъ потрясенія Родины, когда эта правда, пока проходящая только черезъ человѣческое сознаніе и поэтому выражающаяся въ различныхъ несовершенныхъ проектахъ соціальной реформы, будетъ опираться въ своемъ основаніи на правду полную, абсолютную. „Путемъ же такой всецѣлой правды, на которомъ служеніе соціальной правдѣ опирается само на правду, *можетъ быть только религіозный путь*, ибо поскольку человѣкъ всецѣло отдаетъ свою душу идеѣ всецѣлой правды, онъ уже переходитъ грани жизненнаго процесса и подымается на высоту религіознаго міропониманія. Для насъ въ Россіи религіозный путь открытъ въ его наилучшемъ и наиболѣе полномъ выраженіи—въ Православіи. И соціальное твор-

чество въ Россіи нуждается въ томъ свѣтѣ, какой несетъ Православіе..... Если въ рѣшеніи соціального вопроса будетъ доминировать идея соціального блага, а не идея классового или партійнаго интереса, если соціальная реформа будетъ опредѣляться религіознымъ сознаниемъ, если она будетъ обладать авторитетомъ Божіей правды—то мы стоимъ на порогѣ такого расцвѣта, такого чудеснаго переворота, при которомъ жить и дѣйствовать будетъ величайшимъ счастиемъ“. Но „горе будетъ намъ, если соціально-политическій процессъ не приметъ въ себя правды Православія, горе будетъ Россіи, если она, ставя нынѣсь небывалой въ исторіи силой соціальныи вопросъ, правду своихъ соціальныхъ замысловъ не свяжетъ съ всецѣлой правдой православія и тѣмъ превратитъ въ полуправду свои замыслы“. Въ такомъ случаѣ „въ соціальныи организмъ (Россіи) войдетъ губительный ядъ, отъ котораго можетъ погибнуть политическое цѣлое: такова грозная логика, предъ которой нынѣ мы стоимъ“¹⁾. Не ясно ли, что соціальная проблема является у насъ сейчасъ въ Россіи, дѣйствительно, „проблемой русской культуры, а не только русскаго хозяйства“²⁾. Если такова природа соціального вопроса и такова его желательная постановка, то понятна вся своевременность, вся необходимость разработки программы соціальныхъ реформъ въ духѣ православія; понятно также и то, что „на всѣхъ, для кого идея царства Божія не является лишь прекраснымъ словомъ, но кто вноситъ въ эту идею полноту своей вѣры, — лежитъ поэтому нынѣ обязанность освятить соціальныя мечты нашихъ дней проповѣдью царства Божьяго: это внесетъ коррективы въ самую постановку соціальныхъ программъ, но это же и укрѣпитъ соціальное движеніе. Кто вѣритъ въ послѣднее, кто согласенъ, что жизнь нуждается въ соціальныхъ реформахъ, тотъ долженъ признать, что

¹⁾ „Всероссійскій Церковно-Общественный Вѣстникъ“ 1917 г., № 81. См. ст. проф. В. В. Зѣньковскаго — „Проблемы русской культуры и православіе“.

²⁾ Тамъ же.

больше, чѣмъ когда либо, онѣ должны быть освящены Христовой правдой“ 1). Но кто же, какъ не высшія духовныя школы, прежде всего, должны принять на себя разработку программы социальныхъ реформъ въ духѣ Православія и тѣмъ внести необходимые коррективы въ современное социальное движеніе; на комъ, какъ не на высшихъ духовныхъ школахъ, прежде всего, лежитъ Апостольская обязанность всякими средствами содѣйствовать сейчасъ громкой и авторитетной проповѣди объ условіяхъ насажденія Царства Божія здѣсь на землѣ. Справедливость послѣднихъ мыслей очевидна изъ всего сказаннаго о православныхъ духовныхъ академіяхъ, какъ о „явленіи многозначительномъ“ въ исторіи русской культуры, какъ объ „орудіяхъ просвѣтительной дѣятельности Церкви“ 2).

Не менѣе грозно стоитъ сейчасъ и вопросъ о положеніи этнографическихъ группъ, вошедшихъ въ составъ нашего государства въ результатѣ многовѣкового собиранія Руси. Внѣшнее единство этихъ народностей въ государственномъ организмѣ крѣпко поддерживалось прежнимъ политическимъ режимомъ, но для внутренней связи ихъ между собою и съ основнымъ ядромъ русскаго государства было сдѣлано сравнительно мало за предшествующую исторію. Теперь, съ объявленіемъ свободы и равенства всѣхъ, съ провозглашеніемъ призыва къ національному самоопредѣленію и самораскрытію, съ паденіемъ стараго политическаго порядка, обусловливавшаго внѣшнее объединеніе этнографическихъ единицъ, среди послѣднихъ, вполне понятно, начинаютъ бурно проявляться сепаратистскія, центробѣжныя стремленія, угрожающія государству внѣшнимъ распадомъ и обѣщающія свести на нѣтъ всю предшествующую собирательную политику Руси. Пока центробѣжныя стремленія ярко заявляютъ о себѣ въ Украинѣ, Финляндіи и на Кавказѣ, но въ скрытомъ

1) Тамъ же.

2) Объяснительная Записка къ Уставу православныхъ духовныхъ Академій, выработанному Комиссіей делегатовъ отъ всѣхъ Академій 10 мая—5 іюня 1917 г.

состояніи ихъ можно подмѣчать и среди инородцевъ Камско-Волжскаго края, которыхъ ближе всего и касается религиозно-просвѣтительная дѣятельность Казанской Академіи. Неужели же, спрашиваютъ люди, болѣющіе душой при видѣ такой язвы русскаго политическаго организма, „неужели нѣтъ никакого внутренняго объединяющаго начала, могущаго спаять національности въ одно цѣлое, неужели исторія Россіи была ненужнымъ, сплошнымъ недоразумѣніемъ. Не вѣримъ мы этому, но твердо исповѣдуемъ убѣжденіе, что такимъ объединяющимъ началомъ, нисколько не подавляющимъ національностей, но сближающимъ ихъ въ одно коллективное цѣлое, является *русская культура*, какъ комплексъ идей, вѣрованій, идеаловъ и цѣнностей, — русская культура, однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ которой было Православіе въ его идеальномъ началѣ“¹⁾. Какимъ же образомъ Православіе можетъ и должно создать *внутреннюю* связь между народностями, входящими въ составъ русскаго государства, какимъ образомъ оно можетъ и должно парализовать центробѣжныя стремленія среди послѣднихъ? Идеальными началами Православія являются свобода и любовь. „Начало свободы благословляетъ всякое проявленіе личной или національной индивидуальности, благословляетъ всякое творческое устремленіе и видитъ достоинство человѣка и націи въ свободѣ, въ прямотѣ и смѣлой правдивости, а не въ рабской покорности, не въ насильственномъ послушаніи. Но это же начало свободы, благословляющее всякій свободный, творческій порывъ какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ національности, сочетается въ Православіи съ началомъ любви, которая зоветъ всѣхъ насъ къ единству, къ братству, къ уступкамъ и жертвамъ. Если невозможно нынѣ, по состоянію человѣчества, всечеловѣческое братство, то во имя любви всѣ православныя должны искать единства и близости хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, какіе возможны. Мы должны не разрушать

¹⁾ „Церковно-Общественная Мысль“, 1917 г. № 1, см. ст. В. В. Зѣньковскаго—, Думы Церкви о Родинѣ“, стр. 22—23.

исторически создавшіеся политическіе организмы, но должны пользоваться этими историческими достиженіями, чтобы ихъ одушевить свѣтлыми идеалами, стремясь *сдѣлать* ихъ исходными точками всечеловѣческаго примиренія“.... ¹⁾). Такое идеальное значеніе Православія для внутренняго единства русскаго государственнаго организма даетъ основаніе людямъ глубокой вѣры высказывать свѣтлыя надежды на будущее: „Православные“, говорятъ они, „должны до конца сознать, къ чему зоветь, къ чему обязываетъ исповѣданіе Православія. Да не будетъ того стараго порядка, при которомъ принадлежность къ Православію часто оставалась внѣшнею, — но да пробудится во всякомъ православномъ сердцѣ чистое сознаніе истины Христовой, да засіяетъ въ душѣ каждаго православнаго свѣтъ Христовъ. Этимъ однимъ индивидуальнымъ сдвигомъ будетъ преодолѣнъ тотъ недугъ, которымъ больна наша Родина — національный эгоизмъ и партикуляризмъ. Мы слишкомъ вѣримъ въ Россію, чтобы взывать къ внѣшнимъ приемамъ объединенія: они не способны совершить дѣло внутренняго объединенія и потому ненужны. Силы русской культуры, если свободно и творчески проявятъ онѣ себя, тѣмъ самымъ и исцѣлятъ Россію, — и среди этихъ силъ первое мѣсто принадлежитъ Православію“ ²⁾). Не ясно ли — какія серьезныя задачи предъ Казанской Академіей, въ частности, предъ ея миссіонерскими отдѣленіями ставитъ современность, — задачи сколько церковныя, столько же, если не больше, и государственныя въ отношеніи инородцевъ Камско-Волжскаго края и Сибири. Въ надгробной рѣчи при погребеніи Гордія Семеновича Саблукова въ академическомъ храмѣ священникъ В. Т. Тимоѣевъ, говорившій отъ имени крещеныхъ татаръ, вложилъ въ уста усопшаго слѣдующій завѣтъ, обращенный къ Академіи: „Академія! Вотъ этихъ младенцевъ въ вѣрѣ я поддерживалъ при жизни, а теперь отхожу ко отцамъ, такъ послѣ меня вы, дѣти мои, сихъ малыхъ под-

¹⁾ Тамъ же, стр. 23.

²⁾ Тамъ же, стр. 24.

держивайте; вручаю я вамъ ихъ въ Церкви Божіей“¹⁾. Этотъ же завѣтъ Гордѣй-бабая, но въ приложеніи ко всѣмъ инородцамъ сѣверо-восточной Россіи и Сибири съ особенной настойчивостью и рѣшительностью напоминаетъ миссіонерскимъ отдѣленіямъ нашей Академіи и переживаемымъ грознымъ историческимъ моментомъ, когда среди этнографическихъ единицъ, живущихъ на русской территоріи, такъ бурно заговорили центробѣжныя, сепаратистскія стремленія.

Сказанное о серьезныхъ задачахъ духовныхъ Академій и Казанской въ частности, на рубежѣ новой жизни, само собою предполагаетъ необходимость усиленія въ нихъ и вообще ученой производительности. Подлежащій санкціи Всероссийскаго Церковнаго Собора проектъ новаго академическаго Устава особенно подчеркиваетъ *научныя* задачи высшей богословской школы и такъ аргументируетъ это положеніе: „Если просвѣщенію суждено широкимъ потокомъ излиться на жаждущую его народную душу, для Церкви опасно утратить обаяніе культуры, значеніе котораго хорошо понимали въ свое время вселенскіе учителя Восточной Церкви. Когда прекратится война и откроются границы, Россію наводнятъ хорошо подготовленные къ пропагандѣ проповѣдники инославныхъ исповѣданій, люди культуры, которымъ мы вынуждены будемъ противопоставить культурные способы защиты и борьбы. Не далеко то время, когда откроются институты и факультеты, гдѣ съ одинаковымъ безразличіемъ будутъ изучаться всѣ религіи. Результаты ихъ изысканій, подхваченные ежедневной прессой и популярной литературой, польются широкой волной въ народъ. Что же противопоставить имъ Церковь, если у нея не будетъ своихъ научныхъ институтовъ въ то время, когда даже старообрядчество, всегда столь подозрительное къ человѣческой мудрости, имѣетъ свой богословскій институтъ“²⁾?

1) „Православный Собесѣдникъ“, 1880 г., ч. I, стр. 329.

2) Вышеозначенная Объяснительная Записка къ Уставу Православныхъ Духовныхъ Академій, стр. 2—3.

Мы дали посильное разъясненіе вопроса о минувшихъ заслугахъ нашей школы и о предстоящихъ ей задачахъ.

Если въ прошломъ девизомъ Казанской Академіи было „слияніе запросовъ науки съ требованіями жизни, органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ съ служеніемъ общественному благу“, то означенная традиція тѣмъ болѣе должна вдохновлять и объединять около себя всѣхъ дѣятелей и питомцевъ нашей школы при вступленіи ея въ послѣднюю четверть перваго вѣка ея существованія. Этого повелительно требуетъ совершившейся переломъ и наблюдающійся распадъ русской жизни. Пусть нѣкоторыя неблагоприятныя внѣшнія условія современности дѣлаютъ и, быть можетъ, сдѣлаютъ еще болѣе крестonosнымъ путь высшей богословской школы. Наши опасенія и вполне понятная скорбь въ виду этого не должны понижать нашей энергіи. Вѣдь только путь креста есть путь къ славѣ. Казанская Академія за время своего историческаго бытія уже не однажды вставала на этотъ крестный путь и тѣмъ не менѣе Господь судилъ ей быть „ничимъ же меньшею во Владыкахъ Іудовыхъ“. Хочется вѣрить, что она и дальше пойдетъ по этому славному пути, что изъ ея нѣдръ и дальше будутъ выходить преданные дѣлу учителя и воспитатели юношества, подвижники вѣры, столпы Церкви и Родины, свѣтила науки. Хочется вѣрить, что ея питомцы еще болѣе глубоко проникнутся мыслию о высшей богословской школѣ и о Казанской Академіи въ частности, какъ о „многозначительномъ явленіи“ въ исторіи русской культуры, особенно въ настоящее время, когда Россія по преимуществу нуждается въ правдѣ и силѣ Православія, когда „Россія можетъ быть спасена, а историческія цѣнности, ею выработанныя, могутъ быть сохранены лишь въ томъ случаѣ, если Православіе станетъ отнынѣ для всѣхъ открытымъ источникомъ правды и истины“¹⁾. Хочется вѣрить, что Казанская Духовная

¹⁾ „Всероссійскій Церк.-Общ. Вѣстникъ“, 1917 г. № 81, см. цит. ст. проф. В. В. Зѣньковскаго.

Академія, въ послѣдней четверти перваго вѣка своего бытія, своимъ упорнымъ культурнымъ подвигомъ хоть сколько нибудь поможетъ Родинѣ сойти съ той Голгофы, на которую возвели ее событія послѣднихъ трехъ лѣтъ ея страдальческой жизни, и стать ей по прежнему могучей *свѣто*-Русской Землей. Сіе буди, буди!

Протоіерей *Н. Писаревъ*.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**